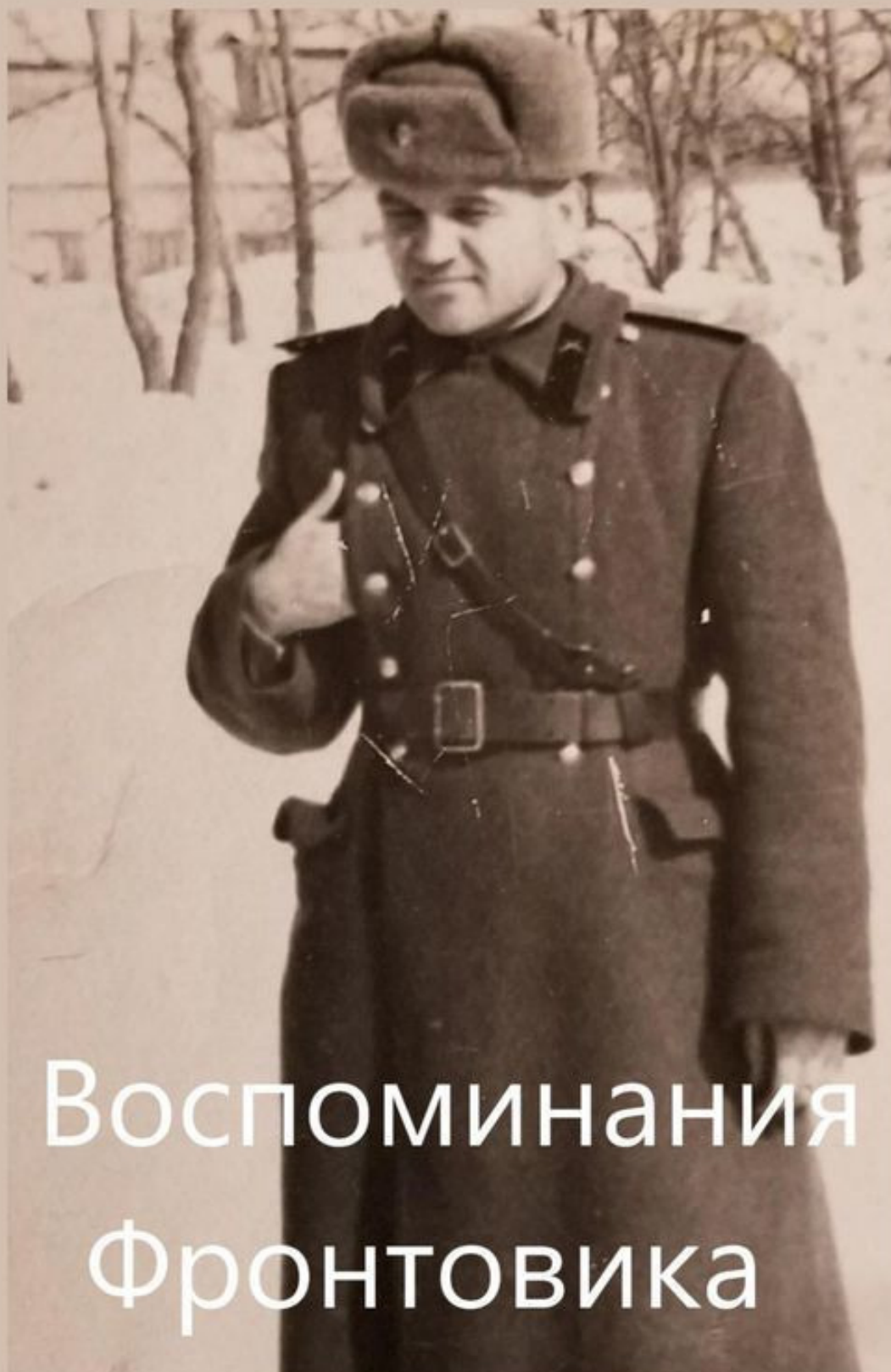

18+

КАПЛИН МИХАИЛ
МАКСИМОВИЧ

Воспоминания
Фронтовика

Михаил Каплин

Воспоминания Фронтовика

«Издательские решения»

Каплин М. М.

Воспоминания Фронтовика / М. М. Каплин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513807-1

Спустя много лет дети попросили Михаила записать его воспоминания о Великой Отечественной войне, и вы держите эти воспоминания в своих руках. Так же он держал записные книжки, в которых записывал о происшествиях по дням, которые вы тоже найдёте в этой книге.

ISBN 978-5-00-513807-1

© Каплин М. М.
© Издательские решения

Содержание

МИХАИЛ МАКСИМОВИЧ КАПЛИН	6
Село Бессоновка в моей памяти	7
Военное училище (Казань, Пенза)	10
Славгород. 213 дивизион противотанковой обороны	15
Война	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Воспоминания Фронтовика

Михаил Максимович Каплин

Благодарности:

Елена Геннадиевна Леонкина

Михаил Андреевич Леонкин

© Михаил Максимович Каплин, 2020

ISBN 978-5-0051-3807-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МИХАИЛ МАКСИМОВИЧ КАПЛИН ВОСПОМИНАНИЯ ФРОНТОВИКА

Старший сын Алексей попросил меня написать свои воспоминания о Великой Отечественной войне. Трудно было начинать, ведь прошло почти 60 лет, но я решился. Память когда-то была хорошая. Кто будет читать, – читайте и судите сами. Написана правда.

Село Бессоновка в моей памяти

Родился я в селе Бессоновка Пензенской области в 1919 году. Дня рождения долго не знал. Мать говорила, что Ильин день. Он бывает 2 августа

Помню, малышом играл в «шаруль» – это был деревенский хоккей. Игра проходила так: играющие стоят одной ногой в «селе» (ямке), кто вадит, тот должен дубинкой подогнать «шаруль» и стараться попасть им в ногу, которая стоит в «селе». Стоящие в «селе» отбивают. Помню, что я больше всех вадил, плакал, но играл. Я думал, что виноват не я как игрок, а плохая дубинка.

Мужики зимой уходили в лес запасать дрова. Работали всю неделю, в субботу приходили домой париться в бане. Я попросил у отца, чтобы он мне вырубил хорошую дубинку. Он обещал, и я всю неделю ждал, когда дроворубы придут. Подходит суббота, дед говорит: «Пойдем отца встречать». Вышли, стоим у мазанки. Из переулка показались дроворубы, смотрю, отец несет на плече палку. Я говорю:

– Она плохая!

– Я тебе ее обтешу.

Дед говорит отцу:

– Максим, говорят, что Ленин умер – Я поднимаю мордашку вверх и спрашиваю деда:

– А кто такой Ленин?

Он мне говорит:

– Царь.

Вот это я запомнил, мне шел пятый год.

Бессоновка – очень большое село. От центра Пензы до центра Бессоновки 12 километров. В селе было три церкви, три школы, четвертую построили в 1930 году. В 1936 году построили кирпичную школу 10-летку, в которой я учился один год (1936 —1937)

В Бессоновке бывал Емельян Пугачев. На северной окраине была улица, которая называлась Берег. На этой улице проживало с десяток мелкопоместных помещиков, от трех до двенадцати душ крепостных. Они нещадно эксплуатировали своих крепостных. Когда появился Пугачев, крепостные пожаловались ему, что помещики их сильно обижают. Он приказал собрать помещиков у церкви и всех повесить. После сыновья повешенных отлили чугунную плиту, сделали постамент и эту плиту на него положили. Я видел эту плиту. На ней было написано, что на этом месте злодеем Емелькой Пугачевым были казнены дворяне (перечислены фамилии, имена, отчества). Плита эта долежала до 1932 года. В этом году начали принимать металлолом по 2 копейки за килограмм. Чугунную плиту разбили, на салазках отвезли и сдали.

Главная церковь в Бессоновке пятиглавая, очень красивая (За войну я много прошел, отступая и наступая, видел много городов и сел, но такой красивой церкви не видел). Вокруг церкви была красивая металлическая ограда. На каменных столбах были красивые шары. Половина территории церковной ограды было отведено под кладбище, где были похоронены помещики и попы.

Приходилось мне бывать на звоннице и звонить в большой колокол. Бывало, выпросишь у матери пару яиц (или просто украдешь), отдашь их Митеньке – звонарю, и он за это берет тебя на колокольню.

Село большое, похороны были часто. (По топографической карте съемки 1919 года в Бессоновке было 2100 дворов.) Похороны проводились торжественно, хоронили с попами. С колокольни было видно все село. Та часть села, которая скрывалась главным куполом, звонарь ходил по крыше и смотрел. С колокольни хорошо видно, как из ворот выносят гроб с покойником. Я начинаю бить в главный колокол (весил он 120 пудов, звук был слышен на 15 километров). Звонарь подыгрывает маленькими колоколами руками и ногой. Звоним, пока пронесут

метров 200, потом просто смотрим. Как до церкви остается метров 200, опять звоним, пока не занесут в церковь. Выносят из церкви, опять звон, пока не перенесут за мост через реку Шелдоис. Когда подносят к кладбищу, начинаем звонить за 200 метров, и заканчиваем, когда закопают.

В Бессоновке рождалось очень много детей. Слова «аборт» никто не знал. Но много детей умирало еще в грудном возрасте. Частенько приходилось видеть похороны младенцев. Маленький гробик с плоской крышкой отец несет на полотенце. Иногда идут вместе с матерью. Сдают гробик кладбищенскому сторожу, дают ему немного денег, он гробик закрывает в часовню. Хоронят взрослого, сторож подносит пару детских гробиков и просит положить их в ноги покойному. Никто не отказывал.

В 1929 году с церкви сняли колокола. В 1930 году закрыли церковь и вскоре начали перedelывать ее под клуб. Против церкви был большой красиво отделанный, двухэтажный барский дом. В советское время это была школа – семилетка. В 70-е годы здание школы сломали – пришла в ветхость.

В селе через реку Суру каждую весну делали два деревянных моста и один пешеходный мост, по которому переходили пастухи. Река Сура – приток Волги. В Суру заходила стерлядь метать икру. Так называлась сурская мерная.

В 1930 году в Бессоновке было организовано 6 колхозов и машинотракторная станция (МТС).

Помню времена НЭПа. На каждой улице была одна, а то и две лавочки. В них торговали всем, начиная от сладостей и кончая керосином, сбруей, дегтем для смазки колес. На Суре было три крахмальных завода, в северной части села – сушильный завод. Сушили картошку и лук, отправляли в северные районы страны. В Бессоновке выведен особый сорт лука «Бессоновский», который даже экспортировали за границу. Лук грузили в вагоны, в каждом товарном вагоне ехал проводник, он отапливал вагон, чтобы не заморозить лук. Доезжали до Владивостока, лук перегружали на пароходы и везли в Японию.

На закрытом кладбище у Рамзайки и на новом кладбище были большие часовни. В часовне на старом кладбище хранились вытесанные из бревен 12 апостолов, которые носили мужики на поле на молебен, прося у бога дождя. Апостолы были тяжелые, каждый несли 4 человека на слечах (смех и грех). Была ужасная неграмотность. Великая заслуга коммунистов в том, что они учили людей. Народ на глазах менялся и уже не таскал 12 апостолов в поле.

В церквях попы вели строгий учет рождения детей мужского пола. Это делалось для того, чтобы учитывать мобилизационные возможности государства.

Раньше не было сторожей в сельсовете. Эту роль поочередно выполняли комсомольцы. Помню такой случай, один из комсомольцев, которому надо было дежурить в сельсовете, увидев меня, пригласил ночь побыть с ним, я дома отпросился, мне разрешили. Что я узнал! Когда закрывали церковь, всю документацию вместе со шкафами перевезли в сельсовет. Шкафы даже не были закрыты. Я начал копаться в книгах. Нашел книгу за 1919 год, начал листать. Нашел свою запись, что я родился 10 августа. Некоторых товарищей одногодков нашёл, записал и сказал, в каком месяце и какого числа они родились.

Помню, молодежь (ребята) вечерами ходили по улицам и пели похабные песни. Если завел невесту на чужой улице, угощай ребят, а то не придешь. В праздники молодежь встречалась на валу (участок железной дороги от разъезда до церкви примерно с километр). Там знакомились, порой из-за девок дрались.

Учиться начал в 1928 году. Первым учителем у меня был Константин Павлович Рождественский. В 1933 году голодовали по вине отца (не пошел в колхоз), учиться бросил. В 1934 году пошел снова в 5 класс.

Отец мой Каплин Максим Петрович, был участником Первой Империалистической войны. Я часто лёжа с ним на печи, просил его рассказать про войну, часто он отказывался,

говорил, что спать хочет. Я был надоедлив, и, в конце концов, отец разговорился. И вот что он мне поведал.

Мне шел двадцатый год (родился он в 1894 году). Ребята – женихи, хочется одеться, обуться, а не на что. И вот они узнали, что на озеро Эльтон приглашаются рабочие на погрузку соли в вагоны. Собралась артель молодежи, человек 20, поехали на Эльтон. Недели две поработали. Нагрузить вагон соли стоило 1 рубль, а хромовые сапоги в то время – 16 рублей. Отец за рабочий день набрасывал два вагона. Прошло около двух недель. Их всех вызывают в контору, дают полный расчет и срочно отправляют домой.

Когда отец после смерти матери переехал жить ко мне в Саратов, на зимней рыбалке в районе железнодорожного моста, он показал, как их перевозили через Волгу, когда ехали на Эльтон и обратно.

Началась первая империалистическая война. Когда приехали в Бессоновку, воинский начальник направляет их в Пензу. Начинается срочная подготовка новобранцев. Учили ходить строем и стрелять. За всю учебу он израсходовал патронов десять. Учили недолго. Потом посадка в вагоны, и эшелон пошел на фронт. На каждой большой станции ходили по вагонам и спрашивали, кто грамотный. Если находились один, два человека, их немедленно ссаживали. Им завидовали, будут сидеть и писать, а ты иди, воюй. Везли: Пенза, Ртищево, Балашов, Купянск, Харьков, не помню, какие дальше станции были, но привезли на Румынский фронт – самый тихий фронт в войну. Отец был вторым номером у пулемета «Максим», первым номером был Нижегородский. Он был грамотный, научил отца читать, писать, считать мужики и без науки умели. А писал отец, как писали сельские писари, с закорючками.

За всю войну отец был раз ранен шрапнельной пулей в руку у локтя. Десять дней лежал в околотке.

Военное училище (Казань, Пенза)

В годы, предшествующие Великой Отечественной Войне, в нашей стране проводилась большая работа по патриотическому воспитанию молодежи. Была выпущена книга «Военная техника». Я одну купил. Больше всех мне понравилась артиллерия. Печатались объявления о приеме в военные училища. Молодежь загоралась.

Я, окончив восемь классов, тоже подал заявление в артучилище. Все эти дела проводил городской военкомат на Тамбовской улице. В августе 1937 года меня вызвали с вещами. Отец мне говорит:

– Тебе еще рано. Я ему отвечаю:

– Я добровольно в военное училище

.Он говорит:

– Что обмотки носить хочешь? Надоест еще.

Прибыли в горвоенкомат с вещами (мать мне сунула 30 рублей на всякий случай до дома доехать). В артучилище мест не было. Нас семь человек: я и шесть пензяков. Всех нас направляют в Казанское пехотное училище.

Прибыли в Казань, училище находилось в лагере у озера Кабан. Сдали экзамены. Я сдружился с Николаем Харитоновым, ходили с ним вместе, он меня отучал от бессоновского разговора.

Вот однажды стоим у магазина «Военторг», пошел сильный дождь. Идет строй курсантов, на плечах несут пулеметы «Максим», кто станок, а кто тело. С них течет, а они поют. Харитонов говорит мне:

– Вот, Миша, и мы так будем шлепать. Лучше бы в пензенское кавучилище поступали, там хоть на коне, не пешком.

Я говорю:

– Коля, а разве есть в Пензе кавучилище?

– Есть, только в прошлом году организовалось

.У меня и загорелось, чем в пехоте, лучше в кавалерии. Я ему говорю (Харитонову):

– Я возьму документы и уеду.

– Сейчас поздно

.Я говорю:

– Еще год поучусь в 9 классе, а потом буду стараться попасть в артучилище.

– Ну, как хочешь.

На другой день захожу в штаб училища к тому начальнику, которому сдавали документы, говорю ему:

– Дайте документы, я в пехоте учиться не буду.

– Как не будешь?

– Не буду, вот и все.

Он говорит:

– Подожди, – и ушел. Вскоре подходит и показывает, – Зайди вон в ту дверь.

Я подхожу, надпись «Начальник училища». Постоял, ну будь, что будет, зайду. Начальника училища я уже видел, он с нами проводил беседу, ругал только что расстрелянных врагов народа: Тухачевского и других. Это был комбриг Кирпонос:

– Чего не хочешь учиться?

– Хочу в артучилище.

– А зачем сюда ехал?

Я молчу. Он чего-то еще сказал, говорил он с украинским акцентом. Я первый раз в жизни слышал такой разговор:

– Ну, будешь учиться?

Я опять:

– Буду поступать в артучилище.

Он чего-то еще сказал, не помню, звонит по телефону и кому-то говорит:

– Выпроводить его из лагеря с караульным.

Мне дали документы, почему-то не все. Появился и караульный курсант, пошли. Я караульному говорю:

– Зайдем за вещами, и я попрощаюсь со старшиной, он очень хороший человек.

Забрал вещи, старшина говорит:

– Подожди немного, – и ушел. Вскоре пришел и принес мне буханку белого хлеба на дорогу.

– Спасибо, – и пошли.

На проходной караульный курсант говорит:

– Ну давай, шагай, – пожал мне руку.

Приезжаю домой, ребята спрашивают:

– Что не приняли?

Говорю:

– Сам не захотел

Кто-то пустил слух – не приняли, как единоличника. Побыл дня три дома – скука. Еду опять в Пензу в горвоенкомат что меня отправлял. Начали меня спрашивать, как и что. Я рассказал, писари меня чуذاком назвали. Я начальнику говорю:

– Позвоните в Кавучилище, может быть там надо.

Он говорит:

– Ждут тебя там, 9 человек на одно место было.

Я не отступаю:

– Что Вам трудно позвонить? Не надо – пойду домой, буду учиться в 9 классе.

Он позвонил, на мое счастье ему говорят: «Присылайте». Оформили мне недостающие документы, направление, говорят: «Шагай», – я пошел. Оказывается, правильно, было 9 человек на место. Но из Москвы пришла бумага, набор увеличили. Некоторых стали вызывать, и я пришел в это время. Быстро сдал экзамены на «хорошо» и «отлично». Мандатная комиссия через день. Я отпросился съездить домой, мне разрешили. Собрал манатки, приехал на Мандатную Комиссию, вопросов задавали мало, вскоре сообщили, что принят. В казарму, на казенные харчи.

Через день, всех кто не поехал домой, посадили на машины и – на поля в район Арбекова собирать скошенный овес для корма коней. Надо было вязать в снопы. Нас было человек 50 – 60. Привезли много снопов ржаной соломы, начали вязать, а вязать мало кто умел. Старшим над нами был старшина, такой грозный, ходит, смотрит. Подходит ко мне, посмотрел на мою работу, командует: «Всем ко мне бегом». Построил всех буквой «П», говорит мне: «Покажите им как надо вязать». Ну, тут я все свое умение выложил, навязал снопов 30. Старшина говорит: «Посмотрите, какой у него тугой сноп, всем так вязать». Меня взял с собой как инструктора. Я некоторым показывал еще раз. Почти все стали вязать тугие снопы.

Занятия начинались 1 октября. К этому времени съехались все, которые были в отпуске. Построили всех и в баню на реке. Там всех остригли. Хорошо выкупались, одели в новое обмундирование, яловые сапоги.

1 октября 1937 год. Началась учеба. Мне вручили коня кобылу по кличке «Олега», карабин и клинок, учебную винтовку. Распорядок дня: 6.00 – подъем, один час чистка коней. Завтрак 6 часов занятий, обед, мертвый час, 3 часа самоподготовки, ужин, свободное время, вечерняя переключка, отбой. Первое время было трудно, а потом привыкли. Каждый день 2—3 часа конная подготовка.

Моя Олега служила уже лет 7 или 8. Послушная, команды знала все лучше меня. За это я ей каждое утро приносил пару кусочков сахара или пару кусочков хлеба, немного посыпанного солью. Хлеб приносить в казарму было строго запрещено, чтобы не разводить тараканов. Но все равно приносили и так прятали, что и старшина не находил. Бывали случаи, когда не принесешь, так Олега все карманы обмусолит.

Был такой случай. Отпустили меня в увольнение. Ходили мы в городской отпуск с клинками. Местные ребята говорили: «Вон идет с селедкой», – а девчонок, которые дружили с курсантами звали «селедочницами». Только что прошел проходную, смотрю, человек шесть красноармейцев, которые обслуживали училище, ловят мою Олегу арканами. Олега пробегает от меня метрах в пятидесяти. Я крикнул: «Олега, Олега», – она повернулась, ко мне подбежала и встала как вкопанная. Я легонько взял ее за гриву и привел на конюшню. Красноармейцы удивленно говорят мне: «Два часа ловили».

Шел 1937 год, начали искать врагов народа. Начальник училища полковник Емельянов и многие из управления училища были арестованы. Даже из курсантов было арестовано трое.

Комиссаром училища был полковой комиссар Рекстен (немец по национальности). Говорили, это он пересажал всех. Потом и его арестовали. Полковник Емельянов вскоре пришел. Курсанты его окружили и спрашивали. Что мог, он отвечал. Спросили его, будет ли он начальником училища. Он ответил, что нет. Он назначен командиром казачьей дивизии.

Вскоре начальником училища стал полковник Зверев, комиссаром – полковой комиссар Шумилин.

В декабре поступил приказ из НКЮ. Коней сдали, погрузили эшелон и в Тамбов. Второй курс курсантов (артиллеристы) Тамбовского Объединенного училища (артиллеристы и кавалеристы) прибыл в Пензу. Кавалеристы (2 курс) из Пензы убыли в Тамбов. В Пензе стало артиллерийское училище. Нас, первокурсников – кавалеристов оставили в училище и стали учить как артиллеристов. Мне повезло, мечта моя – стать артиллеристом, сбылась.

Примерно в феврале 38 года сижу я на уроке артстрельбы, преподавал полковник Федоров, еще офицер царской армии. Преподавал так, что можно заслушаться. Вдруг открывается дверь, и караульный курсант с карабином говорит полковнику: «Курсанта Каплина к комиссару». Полковник преподаватель говорит мне: «Идите». Я за собой никаких грехов не чувствовал, поэтому не испугался, а ребята за меня испугались. Я собрал свои учебные принадлежности, и говорю Ване Меньших, чтоб он всё взял в казарму и пошел. Дошли до управления училища, мой вызывающий пошел в караульное помещение, а я пошел к комиссару. Зашел в приемную, никого нет. Открываю дверь, прошу разрешения войти, говорят: «Обождите». Вскоре выходит оттуда офицер и говорит: «Идите», – показывая мне на дверь. Зашел, руку к козырьку, докладываю:

– Товарищ полковой комиссар, курсант 27 классного отделения Каплин по вашему приказанию явился.

Он встал, пожал мне руку и указал на стул против его. На столе лежала открытая пачка папирос «Казбек» – самых дорогих в то время. Он спрашивает меня:

– Курите?

Я говорю:

– Курю.

Он говорит, указывая на пачку:

– Закуривайте

– Спасибо, я курю махорку.

Он начал меня расспрашивать, как учусь, какие оценки. Я ему сказал:

– В основном, «хорошо» и «отлично». Вот по связи только «тройка».

– Чего же по связи отстаешь?

Я говорю:

– Пересдам.

Дальше начал спрашивать какое у меня семейное положение. Я сказал:

– Отец, мать, я, брат и сестра.

Перед ним лежала какая-то бумажка. Он говорит:

– Вот что, курсант Каплин, ваш зять оказался злейшим врагом народа, и арестован органами НКВД.

Я говорю:

– У нас зятя нет, сестре всего семь лет, так что рано зятя иметь.

Он повел плечами, спрашивает меня:

– А у нас в училище еще Каплиных нет?

Я говорю:

– Не знаю. Но однажды получаю письмо, на конверте написано «Каплину Михаилу», открываю его, читаю, какая-то особа укоряет меня в каких-то грехах, которых я не делал. Я его отнес на почту и сказал, что это не мне.

Комиссар меня отпустил.

Проходит месяца два или больше, меня находит курсант второго курса из тамбовских, к нему попало мое письмо. Он тоже Каплин Михаил, только Федорович. О том, вызывал ли его комиссар, я спрашивать не стал.

Из трех арестованных курсантов, один вернулся. Дал подписку никому ничего не говорить, был месяц в санатории, наверное, всыпали горячих. Про двоих других ничего не было слышно.

Был такой случай. Стою часовым на первом посту. Пост самый опасный – рядом лес. Скоро смена. Время, часов около четырех утра. Я привалился к стойке вышки и стою, забыл, что на стойке сигнальная кнопка. Противогозом нажал на кнопку, в караульном помещении тревога, бежит сам начальник караула. Чего это они бегут? Кричу: «Стой! Кто идет?» Ответ: «Начальник караула со сменой». «Начальник караула – ко мне, остальные «Стой». Начальник караула – наш помкомвзвода Мельник спрашивает:

– Что у тебя?

Я говорю:

– Ничего.

– А чего же сигналил?

Тут я понял, что противогозовой сумкой надавил на сигнальную кнопку. Сменился, приходим в казарму, весит новая стенгазета. Рисунок: я сижу на сигнальной кнопке, из под меня искры, и надпись: «Так Каплин сигналил с поста»

Второй случай. Лето 1938 года. Мы находились в Селиксинском лагере, что неподалеку от Пензы. Курсанты второго курса сдавали боевые стрельбы, каждый расходовал 12—14 снарядов, я был заряжающим. Стреляли 122-миллиметровые гаубицы с лагерного стрельбища по редколесью километров на 5 – 6. Работа исключительно тяжелая, каждый снаряд весит 24кг. Их надо поднести, толкнуть в казенник, вставить гильзу и пучки с порохом. Дня три постреляли, выбились из сил. После каждой стрельбы увозили гаубицы в парк, банили, пробивали пыжи пробойником. На сон оставалось мало времени. Был у нас один курсант – наводчик Андрющенко. Стреляли, взрыватель фугасный. Он говорит:

– Ребята, давайте один пустим осколочным, свернем колпачок и закопаем, что бы не нашли в случае чего.

За взрыватель я – заряжающий – отвечал. Сказано – сделано. Выстрел. С наблюдательного пункта кричат: «Взрыватель фугасный». Ответ с ОП: «Взрыватель фугасный». Разрывы снаряда фугасного и осколочного сильно отличались друг от друга. Фугасный снаряд углубляется, и при взрыве свечой все летит вверх. При осколочном снаряде – дым в разные стороны.

Команда «Стой». На мачте подняли белый флаг. В районе разрывов загорелась сухая трава. Все с наблюдательного пункта побежали с лопатами тушить огонь. Но а мы – в кусты и спать. На мачте красный флаг. Поступают с наблюдательного пункта команды. Командир огневого взвода лейтенант Чибизов (осетин по национальности) нашел человек двух, навели, зарядили и выстрелили. Потом и остальных собрали и меня спящего нашел лейтенант, говорит:

– Каплин скажи, неужто ты не слышал выстрела?

Я говорю:

– Нет.

А ведь при выстреле из 122- мм гаубицы колени дрожат. Вот так можно устать.

В 1939 году в лагерь не выезжали, учились в школе, сдали экзамены. Нам выдали офицерское обмундирование, только «кубари» не прикрепляли. Потом весь выпускной курс построили и зачитали выпускной приказ наркома обороны Ворошилова №00654 о присвоении звания «лейтенант» и куда назначить. Из нашего классного отделения 5 лейтенантов были назначены в 213 дивизион ПТО г. Славгорода. В этот же дивизион с курсов младших лейтенантов, что были при училище, назначили 9 человек младших лейтенантов.

Начальство решило устроить выпускной вечер в только что отстроенной школьной столовой. Разрешили пригласить своих знакомых девушек. Хмельного ничего не было, только ситро. Но ребята прикупили, так, что и водочки попробовали Музыка, танцы, я танцевать не умел. Побыл немного и ушел в казарму.

На клубе был громкоговоритель. Иду и слышу, передают, что столько – то часов назад немецкие танки вошли в Варшаву. Поляки за 17 дней были разбиты. 1 сентября 1939 года началась Вторая Мировая война.

Славгород. 213 дивизион противотанковой обороны

Приехал я домой, сказал своим, что получил назначение в военную часть, которая находится в городе Славгороде Алтайского края. Поехал в рабочий поселок Лунино к знакомой девушке, которая работала в районной аптеке, договорились, что будем писать друг другу, в письмах и договоримся.

Раньше мой друг Ваня Меньших пригласил меня заехать к нему, сделать остановку на станции Толкай. В 1938 году во время отпуска я у него уже гостил, ловили рыбу в Кинеле. Так я и сделал, прибыл к нему, а у него все ребята, которые едут в одну часть в г. Бийск. Побыл у него суток двое, и все вместе поехали одним поездом. Простился я с ним на станции Татарской, прощание было последним. В 1943 году Ваня Меньших погиб.

Приехал в Славгород, начал искать свою часть. Такой части нет. На другой день поиска встретил товарища Колю Коногорова, он был воентехник, окончил Тульское оружейно-техническое училище. Начали ходить вместе. Это было 12—13 сентября 1939 года. Узнаём, что часть будет только формироваться. Вскоре приехал командир дивизиона капитан Соколов. Нам отвели помещение для формируемого дивизиона – железнодорожный клуб. Мы с Николаем начали искать поблизости квартиру. Нашли рядом с клубом. Деревянный одноэтажный дом, большая комната и кухня. Хозяин был железнодорожный машинист. Фамилия его Жирноклеев Леонид Алексеевич, жена Валентина Александровна, сын (лет шести) Юра и дочь (году полтора) Света. Договорились платить по 250 рублей в месяц. Хозяйка нас будет кормить, стирать. Цены в Славгороде были небольшие (килограмм хорошего мяса стоил 4 рубля). Потом хозяйка подумала, что продешевила и объявила нам, что все будет делать, только платить ей 300 рублей. Мой оклад как командира взвода был 675 рублей, у Николая как начальника боепитания – 800 рублей

Когда всё начальство собралось, начали готовить отведенное нам помещение (железнодорожный клуб) к приему новобранцев. Построили забор, сарай для хранения тракторов (Т – 20) и орудий (45 – мм пушек). У нас появилась одна грузовая машина (полупортка), которая подвозила стройматериалы. Подвезли солдатские кровати, приготовили спальные принадлежности, все сделали, чтобы встретить новобранцев. Вскоре прибыли две партии новобранцев моего года рождения (1919г.). Всех было человек 80. Одна партия из Вологодской, другая – из Архангельской областей. Ребята – золото, дисциплинированные, исполнительные.

Началась учеба. Нашей дивизии присвоили 178 номер. Состав: три стрелковых полка, два артполка и все отдельные батальоны и дивизионы. Дивизия размещалась в городах: Славгороде, на станции Татарской, в Калаченске и Омске. Сначала штаб дивизии был в Славгороде, потом переехал в город Омск. Все части были укомплектованы процентов на тридцать. Семьдесят процентов составлял приписной состав из районов Алтайского края.

В начале 1940 года призвали в армию студентов ВУЗов и даже бывших заключенных. К нам в дивизион прибыло человек двадцать.

В апреле 1940 года мне дали первый отпуск (за 1939 год выдали компенсацию). 5 мая 1940 года в рабочем поселке Лунино Пензенской области я зарегистрировал брак со своей знакомой Кузнецовой Клавдией Петровной, которая работала в Лунинской аптеке. Когда прибыл в часть, выслал ей документы, и она приехала ко мне в Славгород.

В сентябре 1940 года в первый раз собрали приписной состав: рядовых на 30 дней, сержантов на 45 дней. Познакомились, распределили по подразделениям, подучили.

14 мая 1941 года родилась дочь Света.

30 мая 1941 года приписной состав был вызван на сборы. Мои приписные спрашивают меня:

– Товарищ лейтенант, что же нас так рано собрали, еще посевная не кончилась?

Я им отвечаю:

– Не знаю, может быть начальство какие-нибудь учения придумало.
Началась усиленная учёба, так что соль была на гимнастёрках.

Война

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная Война. Приписникам объявили: «О доме забудьте, вы теперь кадровые».

20 и 21 июня мы переезжали в лагерь на горько-соленое озеро Яровое, устраивались там на житье. Озеро Яровое от Славгорода в восьми км. У меня с собой был велосипед. Вечером 21 июня я попросил разрешения съездить в город. Командир дивизиона майор Калашников не разрешил.

22 июня было воскресенье. Утром рано командир батареи лейтенант Остапенко говорит мне: «Миша, поезжай». Минут через 30 я уже был дома. Позавтракал, сижу. Вдруг заходит хозяйка нашего дома, жена младшего лейтенанта Шумилкина и говорит моей жене: «Клава, говорят, война». Я – к ней, спрашиваю, кто ей сказал. Она говорит, что по радио передали. Репродуктор молчал. Я побежал на радиоузел. Замок. Вернулся домой, включилось радио, передают из Новосибирска речь Молотова. Я прослушал, сел на велосипед и в лагерь, думаю: «Вот новость привезу». Как только стало видно палатки, смотрю, а там уже идет митинг. Объявляют собрать палатки и домой. Всему командному составу приказано быть всё время в казарме. Открылись склады НЗ (неприкосновенного запаса), стали получать оружие и боеприпасы. Снаряды были в парафине, всё очищали, обтирали бензином, толкали в пушку, хорошо лезет, ввертывали взрыватель и в ящик.

Из сел Алтайского края сразу начали прибывать родные солдат. Вокруг части стоит целый табор, смотрят в трещины забора, просят отпустить своих мужей, отцов. Отпустишь минут на 10, возвращаются пьяными, начальство запретило отпускать. Но всё равно люди просили отпустить повидаться, при всех говоришь, что если вернешься пьяным, больше никого не отпущу. Стали являться вроде трезвые, конечно, с запахом.

29 июня подали эшелон, выехали на станцию, все провожающие за нами. Погрузка. Погрузились, 10 минут на прощание с родными. Пошел и я. Взял свою дочку Свету на руки, хотел поцеловать (ей было 46 дней), а она меня взяла, да и обкакала. Мать сухой пеленкой оттирала.

Сигнал: «По вагонам!», поехали в неизвестность. Мало кому пришлось дожить до конца войны.

Было объявлено военное положение по всей стране. Поезда даже в Сибири двигались без гудков (просто переборщили, потом отменили). Доехали до Омска, ребята побежали за кипятком, за газетами. У меня полвзвода в Омске отстали, вскоре на большой станции догнали, ехали с очередным эшелонном. Эшелон двигался от Омска на Свердловск и дальше на Москву. На станции Лефортово стояли трое суток, все забито. Наконец, ночью эшелон тронулся. Узнаем, эшелон идет на Ржев. От Ржева повернули на Вязьму. Доехали до станции Сычевка, приказано разгрузиться. Разгрузились и своим ходом двигаемся на Вязьму и дальше по Минскому шоссе.

Прибыли в Издешковский район Смоленской области. Приказано занять оборону по Днепру. Начали окапываться. Бой идет километрах в 25 от нас. Артиллерийскую канонаду хорошо слышно. Смоленск держался около месяца. Вскоре нашу дивизию перебрасывают на реку Западная Двина. Стрелковые полки перевозили автополки, мы двигались своим ходом. На западной Двине дивизия сразу вступила в бой.

По боевому уставу пехоты командир взвода и роты должен быть в атаке впереди. Поэтому сразу начали нести большие потери младшего начальства. В начале 1942 года боевой устав пехоты был переделан, командир взвода в атаке движется за боевым порядком взвода, командир роты – за боевым порядком роты.

В нашей армии минометы появились только перед войной. Недалеко от моего взвода, метрах в 120, заняли огневые позиции минометчики. Знакомый лейтенант подходит ко мне и говорит, что сейчас минометчики будут стрелять, пойдем посмотрим.

Я ему говорю:

– «Война не скоро кончится, еще увижу.»

Он пошел. Первый выстрел и ЧП. Мина ударилась в сучок дерева, разорвалась, были убитые и раненные. Тот, который меня приглашал, был тяжело ранен. «Посмотрел.»

На Западной Двине мы были недолго. Вскоре началось отступление. Отступали километров 10 – 15 в день. Топокартами не успевали снабжать, поэтому удирали на Восток. Порой немцы нас обгоняли, это считалось, что попали в окружение. Отступая, днем прятались в лесу недалеко от проезжей дороги. Немцы едут машина за машиной, ночью с зажженными фарами. Не знаю, как назывался населенный пункт, там мост через неширокую реку, глубокую, с крутыми берегами. Что делать? Командир батареи Паша Харебин собрал взводных и командиров орудий. Бросать технику нельзя (6 орудий, 5 тракторов «Комсомолец», Т-20, 3 грузовые машины). Решаем, что надо ночью с включенными фарами (как немцы) проехать через мост и начать стрельбу по окнам домов, там немцы. Выбрав прогал, немцев не видно было, выехали на дорогу. Впереди шли грузовые автомашины, за ними трактора с пушками, все включили фары. Первая машина переехала мост. Немец, который охранял мост, поднял руку с автоматом, требуя остановиться. Не помню кто, ехавший на первой машине с шофёром, открыл дверку и из пистолета застрелил этого немца. Проехали и начали из всего стрелкового оружия стрелять по окнам. Деревня небольшая, во всех окнах свет. Вскоре ее проехали через полкилометра остановились, собрали всех, потерь нет. Поехали дальше. Вскоре свернули с дороги и стали пробираться опять лесными дорогами. Утром остановились в одной деревне (названия не помню), немцев в ней не было. Нас покормили, машины и тракторы заправили бензином. Двигаемся дальше на восток. Не помню, сколько дней двигались, но наконец увидели, Ржев. Встречный мужик говорит, что мост через Волгу во Ржеве взорван (дураки, поверили, мост был цел). Спросили его, есть ли где броды через реку. Он сказал, что километрах в 8 от Ржева известковый завод, там есть брод. Подъехали к броду (колея показывала, что здесь переезжали). Я в одежде пошел по отмелям, глубина чуть выше колен. Ширина Волги метров 50 – 60. Перешел и этим же путем пошел назад. Снова побрел, машина за мной на первой скорости, сильно газуя. Видя, что машины пошли вброд, откуда их черт принес, начали нас обгонять повозки и кухни. Автомашины переехали и одна пушка моего взвода, что буксировал автомашины, а остальные 5 тракторов с пушками заглохли. Один трактор заглох примерно в 5 метрах от берега, жаль. Это было 14 октября 1941 года (моей дочери Свете было 5 месяцев).

Вскоре показались и немцы, оказывается, они раньше нас переправились. Началась ружейная перестрелка. Стемнело, недалеко от нас загорелся стог, нас осветило, пришлось быстро удирать. Двигались ночью, слышали русский мат – значит свои. Спросили, где ваш командир части, нам показали. Паша Харебин спросил у командира, где 29 Армия, он толком не знал. Но узнали что это 22 Армия.

Поехали дальше, нас остановили, приказали пушки поставить на огневой позиции для охраны штаба дивизии. Командир батареи Паша Харбин, чувствуя, чем пахнет, с людьми уехал, а мне сказал: «Миша, я отъеду и в лесу буду стоять. А как стемнеет, подъеду, прицепим пушку, и ищи нас». Проходит немного времени, бежит посыльный, меня вызывают в штаб. Тут я узнал, что это штаб 186 стрелковой дивизии, которая до войны стояла в городе Уфа. Мне поставили задачу. Немцы переправляются через Волгу на лодках и бродом. Давай туда. Я говорю, что у меня нет машины, командир батареи забрал ее. «Кто командир? Расстрелять!» (Ищи ветра в поле). Мне выделили полуторку из политотдела дивизии. Я говорю, у меня осколочных снарядов нет, есть ящик бронбойных. Кричат: «Бей бронбойными!» Машина подошла, а у нее нет форкопа, за который цепляют пушку.

– Почему долго не едите?

Я говорю:

– Машину дали, а прицепить пушку не за что.

Вскоре нашли цепь. Кое-как прицепили, поехали. Выехали за населенный пункт, смотрим, человек 150—200 бегут навстречу – паника. Что мне делать остается? Разворачиваемся и назад, только не к штабу, а подальше от него. Шофер оказался послушный парень (мордвин по национальности). Где был штаб СД, началась стрельба.

Как после узнал, командир батареи держал все машины. Вдруг он видит, что там, где он меня оставил – немцы. Подумал: «Пропал Миша». На трех машинах, без единой пушки он вскоре нашел дивизион. Я еду дальше, приехали в Торжок, остановились. Слышу изредка стрельба. Подъехали туда. Оказывается это пивной завод. Веселые пограничники отгоняют людей, которые лезут через забор. Я к ним подошел:

– А нам можно испробовать вашего пива?

– Вам, пожалуйста.

Я зашел в здание, где стояли большие деревянные чаны, там на полу по колено пива. Краны большие, а порой наливают в бутылку. Я ребят послал поискать посуду, они быстро где-то отыскивали 20-литровых бутылей штук двадцать. Не помню, с чем они были раньше. Ребята их прополоскали пивом и все заполнили. Утром нашли свою часть. Пропадали мы 15 дней, но сообщения, что пропали без вести не послали. Узнаю, что два дивизиона ПТО объединили в один. Командир новый – майор Бильдин. Я ему докладываю, он мне приказывает: «Где хочешь, ищи пушки, машины дадим». Узнаю, что командира батареи Пашу Харебина и комиссара батареи Плотникова судили за то, что людей привезли, а пушки потеряли. Трибунал им дал по 10 лет с отправкой в пехоту. Командиром 2 батареи назначили капитана Ярополова, меня назначили заместителем командира батареи.

В декабре 1941 года в бою за деревню Ильино гибнет наша первая батарея. Меня назначают командиром этой батареи. Получаю технику, формирую батарею.

6 декабря 1941 года началось наступление под Москвой. Мы на правом фланге тоже начали, но далеко не продвинулись.

Один батальон вел бой за станцию Жиротино Калининской области. Мне было приказано срочно прибыть туда и помочь батальону. 45 – мм пушки очень хорошо справлялись с вражескими пулеметами, только бы увидеть. Один, два осколочных снаряда и пулемет можно считать бывшим. Подъезжаю к населенному пункту, куда мне приказано, дорога расчищена для прохода одной машины. Остановился, смотрю, на снегу лежит убитый солдат – наш, в бороде большая рана, глаза у мертвеца открытые. На меня это нехорошо подействовало. Едем дальше, догоняем солдата, который без седла едет на лошади верхом. Мой шофер начал сигналить и ругаться. Я ему говорю: «Чего же ты сигналишь, видишь, ему свернуть некуда, снега справа и слева набросано больше метра?». Остановились, отъехал наш солдатик метров на 15, лошадь наступила на противотанковую мину, и она взорвалась. Лошадь и солдат разлетелись. Я шоферу говорю: «Если бы он нам уступил дорогу, вот бы что с нами было». Я пошел пешком. Нашел штаб батальона, там меня ждал офицер, вроде начальника штаба батальона, но он почему-то назывался «старший адъютант», как мне помнится. Я спрашиваю:

– Как увидеть командира батальона, чтобы получить задачу.

Он мне говорит:

– Командир на передке.

Говорю:

– Пойдем к нему.

Шли дорогой, потом саперы предупредили, что там всё заминировано. Свернули, пошли по снегу между кустами. Он шел вперед, а я за ним по его следам. Противопехотные мины были поставлены в снегу, взрыватель тонкой проволокой был прикреплен к кусту. Впереди-

душий валенком потянул проволоку, и мина взорвалась сантиметров двадцать перед моими валенками, немного попортила мне ватные брюки и полу шубы. У меня мелькнула мысль, что я убит как тот солдат, которого я раньше видел. При взрыве я отлетел назад и упал. Чувствую, что я живой, вскакиваю и в сторону. Мне кричат: «Стой! На другую напорешься», – а я кидаюсь на противоположную сторону. К командиру батальона я не попал, пошли искать фельдшера. Я говорю своему заму ст. лейтенанту Бойко: «Командуй, я не могу». Бойко до призыва был начальником райотдела милиции одного из районов Алтайского края. Бойко говорит:

- Вас надо в медсанбат
- Стыдно с такими ранами туда ехать.

Фельдшер начал мне пробкой от бутылочки с йодом прижигать ранки, их было 74, они неглубокие, примерно по миллиметру. Были ранки на веках глаз, но глаза не были задеты, значит, я при взрыве успел их закрыть. Когда фельдшер прижигает все ранки, я посмотрел в зеркальце и говорю, что теперь похож на леопарда. Физиономия немного опухла, глаза не открывались, надо было помогать пальцами. Так было двое суток, на третьи сутки проснулся: глаза открываются, ранки присохли, опухоль спала. Начальство засчитало мне легкое ранение. Это было 26 декабря 1941 года.

Двигаемся вперед ко Ржеву. В селе Борисово на дороге Старицы – Ржев мне было приказано занять огневые позиции и прикрыть эту дорогу.

Всего в Борисово осталось около десятка домов, остальные немцы сожгли. Мы заняли целый довольно большой дом. В занятый батареей дом приходили погреться и покушать оружейные расчеты. Три человека дежурят у пушек, трое греются. Вскоре пришлось пустить в дом квартирантов – штаб саперного батальона, (командир – капитан, неудобно было отказать). У входа в дом стоял наш часовой. Когда надо было вызвать старшину – он бил прикладом по стене.

Был такой случай. Постучал по стене, старшина вышел. Потом подходит ко мне и просит выйти. Я вышел. Стоят мужчина-военный, деревенский паренек и три девушки. Военный говорит мне, что он работник разведотдела штаба соседней армии, кажется, 30 Армии, а эти люди – агентурные разведчики, на нашем участке им удобнее перейти линию фронта. Говорю ему: «Пожалуйста, заходите, в тесноте, но не в обиде». Оказывается, что им дают по 200 граммов водки, паек порядочный. Когда переходят линию фронта – у них еда другая. Водку они отдавали нам. Среди агентурщиц была одна рыженькая (как звать забыл), она за работу была награждена Орденом Ленина. Одна, кажется, Мария шла в разведку второй раз. Третья, я ее хорошо запомнил, Лиза из города Калинина, только что окончила 10 классов, и ее завербовали в разведку. Парнишка тоже шел впервые. Днем они уходили на передний край и в бинокль просматривали местность. Два дня ходили, не выбрали удобного прохода. Паек им приносили регулярно. На третий день их прибытия у нас, три Ю-88 сделали налет на оставшиеся дома. Перед налетом, Лиза подходит ко мне и говорит: «Товарищ ст. лейтенант, я вас концентратом покормлю», – и начала готовить. Печка потихоньку топилась, дым из трубы шел. Топили её и днем. Дом против нас был занят обозниками, во дворе были лошади и сани. Во время налета около нашего дома разорвались две бомбы, в дом не попали. В середину дома, что стоял против нас, попала большая бомба, отверстие в потолке и в полу было больше полуметра, но бомба не разорвалась, а ушла в подполе в землю. Люди сначала остолбенели, а потом в окна и в дверь начали выскакивать из дома, благо, почти все окна были заткнуты соломой. Потом юнкеры снизились и начали обстреливать дома из пулеметов. В наш дом попало несколько пуль, одна из них попала в девушку Лизу, которая сидела рядом со мной. Она упала головой вперед, я ее схватил за одежду, и, шутя, говорю: «Разве так можно пугаться, ты же разведчица». Приподнимаю ее, а у нее рот открыт, она мертвая. У саперов был фельдшер, он разрезал ее одежду, из одной груди несильно течет кровь. Он говорит: «Мертва». Разведчики за водку, которую

им приносили, наняли одного старика, он сделал гроб. Мои ребята выкопали ей на сельском кладбище могилу и похоронили Лизу. Красивая была девушка.

Офицер который к ним приходил, два дня с ними занимался. В одну из ночей они втроем перешли линию фронта. Я просил Марию, когда будете возвращаться чтобы зашли, мы на верное долго будем здесь стоять.

Больше печки днем не топили. Бомба, которая попала в дом, где были обозники, наверное, и сейчас там торчит. Обозники после заделали дыры и опять там поселились.

Вскоре мою батарею перебросили на другой участок. Показали по карте, где занять огневые позиции. Оставив батарею, я на одном Т-20 поехал чтобы выбрать ОП. Как помню, мне пришлось ехать через деревню Буконтово. Подъезжаю, смотрю, вся дорога в деревне завалена замерзшими трупами немцев. Я вылез из трактора и хотел некоторые трупы оттащить с дороги. Водитель трактора выглянул и говорит: «Садитесь, товарищ ст. лейтенант, а то мы до вечера не доедем». Я сел, и он поехал по замерзшим телам, где возможно объезжая их. С окраины я посмотрел на поле, самый дальний немец отбежал по снегу на запад не более 400 метров и раком торчит в снегу. Конечно, всех заинтересовало, чья это такая «чистая работа». И вот что я узнал. Наступая на Буконтово, подходы к нему были открыты, понесли потери. Хотели ввести в бой батальон второго эшелона. Командир батальона говорит старшему начальнику: «Мы только понесем большие потери. Разрешите мне ночью взять эту деревушку». Тот согласился. Командир батальона знал, что немцы завшивели и на ночь наносят в хаты соломы и сена, сильно топят печи, раздеваются догола и голыми спят (об этом говорили жители освобожденных населенных пунктов).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.